

Зеев Бар-Селла

Марксизм как нетипичное гностическое учение*

Марксистскую доктрину принято рассматривать, как правило, в двух аспектах: это аспект теоретический, т.е. философский, экономический, или аспект политической практики, т.е. основанная на марксистской идеологии внутренняя и внешняя политика. О первом аспекте говорить особо не приходится – всем известно, что такое экономическое и философское учение Маркса. Наиболее важные и очевидные черты политической практики марксизма – это однопартийная система во внутренней политике или концепция мировой революции в политике внешней. Аспектом внутренней политики, который охватывает и экономическую, и культурную жизнь, может явиться, на примере Советского Союза, такая черта жизни данного общества, как стремление сравняться и опередить развитые капиталистические страны – как правило, речь идет об одной стране, что впрочем тоже не случайно, поскольку концепция «догнать и перегнать Америку» является зеркальным отражением «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Но само это стремление – догнать и перегнать – исходит из концепции двоимирия, т.е. двух антагонистических миров, из чего само собой вытекает также представление об эквивалентности и равномогности этих миров. Из концепции равномогности, концепции латентной, никогда собственно не высказанной, но очевидной, вытекает такое состояние общества и экономики, при котором строится не просто общество экономически развитое, экономически потентное, но структура, которая должна быть полностью эквивалентна всему остальному миру. Создается параллельная цивилизация, в которой есть все. При этом стремление к кооперации с остальным миром или демонстративно отвергается, или поддерживается в очень малых и скрытых размерах. Все знают, какие последствия это имело, в частности, для развития науки, а в дальнейшем и для развития экономики. Советский Союз существовал практически до той поры, пока не были окончательно исчерпаны все потенции второй промышленной революции. С третьей промышленной революцией он не справился, поскольку пережить ее самостоятельно ни один отдельно взятый фрагмент современного мира способен не был. Советский Союз практически признал свой проигрыш, свой сход с дорожки соревнования в 1975 году, когда были фактически прекращены ассигнования на развитие фундаментальных исследований. Так или иначе, то, о чем я сказал до сих пор, более или менее известно. Но наряду с двумя вышеупомянутыми ас-

* Доклад в рамках конференции «Христианство и тоталитарные вызовы 20-го столетия» (Айхштетт, октябрь 2000г.).

пектами существует третий аспект, в котором можно рассматривать марксизм – это аспект культурно-антропологический, этнографический в русской терминологии. Это – бытование марксизма (марксистской доктрины) на низовых уровнях, причем под низовым понимается любой уровень, лежащий ниже уровня власти, ниже верхних ступеней официальной иерархии марксистского государства. С точки зрения этнологии здесь допустимо сравнение с тем, что в этнографическом обиходе обозначается понятием народной религии (*Volksreligion*). Аспект этот хорошо изучен на материале многих обществ, и давно установлено, что низы нередко представляют себе господствующую идеологическую доктрину весьма превратно. Тем не менее, само стремление адаптировать и каким-то образом приспособить к народным представлениям господствующую доктрину очень часто раскрывает в последней те ее качества, которые при ином взгляде представляются неочевидными или даже несуществующими.

Я позволю себе привести несколько совершенно разрозненных примеров, которые, может быть, удастся сложить во что-то более наглядное и представительное. Существует ряд очевидных фактов, которые, тем не менее, не рассматривались представителями ни одной из идеологически полярных сторон. Например, общеизвестный факт периода симпатии и глубокого интереса к марксизму у ряда поэтов «серебряного века», как, например, Брюсов, Максимилиан Волошин, Андрей Белый, Мандельштам. Пытался ознакомиться с марксизмом Гумилев (насчет Ахматовой я не уверен – думаю, что нет). И каждый раз, с точки зрения еще недавно господствовавшей доктрины, – это отмечалось с удовлетворением, хотя затем с сожалением констатировался и их отход от марксизма. Исследователи противоположного направления, как правило, обходили момент такого рода интереса, что тоже напрасно. Объективного взгляда на эти вещи до сих пор не было, поскольку собственное место марксизма в этих идейных метаниях и исканиях не было понятно. Тем не менее, если мы посмотрим на дальнейшую судьбу данных поэтов, на их дальнейшую идейную судьбу, мы увидим, что почти все они, так или иначе, оканчивали свое творческое существование в области мистических учений: чистого оккультизма у Брюсова, например, антропософии у Андрея Белого, достаточно невнятной, но тем не менее несомненно мистической доктрины у Максимилиана Волошина. И если не считать, что увлечение марксизмом было для них просто временным помрачением, данью моде, то мы должны будем допустить, что непонятная тяга к марксизму соответствовала каким-то внутренним потребностям этих людей. То есть, они видели в марксизме совсем не то, что видели представители меньшевистского или большевистского крыла в РСДРП. Судя по всему, они видели в марксизме учение мистического типа или по крайней мере близкого к нему.

При таком взгляде на марксизм очень легко сразу же определить моменты, которые могли их привлекать. Это существование телеологии в происходящем и, самое главное, это – изменение мира посредством волевого акта, поддержанного всей силой и мощью порядка вещей. Доктрина в достаточной мере в таком представлении

напоминает доктрины магические и в этом случае марксистский эпизод Мандельштама, Брюсова, Белого, Волошина неслучаен. Он входит в общую структуру их мировоззрения. Они не уходили от марксизма, просто их увлечение оказалось не глубоким – марксизм не полностью ответил на их запросы. Это один такого рода аспект в бытовании марксизма, который, как мне кажется, следует изучать глубже и лучше.

Существует еще одна в такой же мере эзотерическая область. Это область (я говорю о России, о Советском Союзе) военной теории. В 1960 году московский «Воениздат» выпустил в свет книгу И. А. Грудинина «Вопросы диалектики в военном деле». Для любого нормального человека книга эта представляет собой набор невразумительных и традиционных клише. И, тем не менее, не все обстояло так просто. В моей жизни мне довелось близко общаться с группой военных теоретиков – сотрудников генштаба, смотревших на эту книгу совершенно иначе. Они подвергали ее резкой критике (книга, действительно, была написана крайне плохо), но они критиковали ее прежде всего за то, что автор коснулся некоторых аспектов, которые не предназначались для широкого обсуждения. Речь при этом идет отнюдь не о военной тайне, а о некоторого рода скрываемых, сакральных, недоступных для профанов аспектах марксистской теории, прежде всего диалектики. Таким образом, в этой среде, очень близкой режиму и видевшей себя кастой «посвященных», марксистское учение четко делилось на профанное и сакральное. Там преобладало представление о марксизме как о тайной доктрине. Иными словами, в самом марксизме существует некое тайное знание, которое в умелых руках преображает мир. В этом плане очень интересным мне представляется одно место в воспоминаниях Джиласа «Разговоры со Сталиным». Джилас рассказывает о своей беседе с одним советским генералом, который, выслушав комплименты Джиласа по поводу колоссальных жертв, понесенных во Второй мировой войне, заявил: «Это что ... Вот при коммунизме будут войны – такие жестокие, с которыми уже ничто не сравнится». Джилас застывает с разинутым ртом, будучи не в силах понять того, что даже окончательная победа коммунизма вовсе не означает избавления от войн. Данный советский генерал явно воспитывался в тех же кругах, что и упомянутые мною военные теоретики, а в разговоре с Джиласом он лишь слегка приоткрыл завесу над этой почти неизвестной нам системой взглядов на историю, мир и концепцию человеческого будущего. Генерал ничем не рисковал – собеседник его просто не понял (хорошо хоть запомнил сказанное).

Почему эти идеи могли быть адаптированы военными теоретиками? Я полагаю, они находили особый отклик в их военной душе, поскольку всякая армия построена на признании существования высшей силы – той, чьи приказы необсуждаемы; война – это чудовищные жертвы, очень часто осознанные жертвы, особенно тогда, когда командир ради исполнения приказа (и/или выполнения стратегической задачи) приносит в жертву своих солдат. И таким образом они и воспринимали безжалостный и детерминистский характер марксистской доктрины. Он вполне соответство-

вал их профессиональной ориентации. Тем не менее, любопытно, что они приняли именно марксизм, а не любое другое человеконенавистническое учение (они, например, очень ценили Клаузевица – естественно, в изложении Энгельса – вообще, Энгельс стоял в их среде на первом месте – и не только потому, что он написал несколько трудов по военному делу, а потому, что в его изложении марксистская доктрина была намного проще, жестче и жесточе).

Я приведу еще один случай. Это – случай, касающийся совершенно иной интеллектуальной сферы, иного интеллектуального слоя и другого времени, времени гражданской войны. Среди многих зверств и безобразий, которые творились в ту эпоху, мое внимание обратило на себя особое поведение красноармейцев в отношении христианских храмов. Они, как правило, не сжигались, но в них устраивались конюшни, а в ряде случаев все было еще проще: просто гадили в храме, испражнялись на алтарь и т.п. Вполне понятное народное поведение, но на самом деле такого рода отношение к святыням более всего напоминает отношение к святыням чужой религии. Это не восстание против веры в себе, это унижение и истребление чужой религии в пользу своей. Речь не идет о, скажем, вскрытии раки с мощами (указания такого рода, как мы уже знаем, шли сверху), нет, это народное, простодушное, прямое осквернение и уничтожение святынь. Если сторонники одного из лагерей относились к делу таким образом, то это может свидетельствовать о том, что в глубине народного сознания гражданская война воспринималась не как война социальная, война классовая, война крестьянства с помещиками, рабочих с заводчиками и фабрикантами, а как война религиозная. При этом религия «красной» стороны никогда не была оформлена словесно. Она была оформлена действием, но это действие неизбежно раскрывает религиозно-доктринальный характер того, что стоит за действием.

И еще один пример. Марксистом объявил себя такой знаменитый человек, как Николай Марр, лингвист, чья научная квалификация более чем сомнительна. То, что он предлагал в качестве своей лингвистической доктрины, с точки зрения любой лингвистики представляет собой вещь абсолютно невозможную, потому что для него, в частности, не представлял никакого препятствия материал, который он изучал. Вкратце его теория сводится к следующему. Все переходит во все, любой звук переходит в любой звук. Называется это падением или возвышением. Развитие идет от сложного к простому. Вначале было четыре элемента. Их названия: SAL, BER, YON, ROШ (русской литерой «ш» Марр обозначал глухой шипящий сибиллянт, который все прочие лингвисты транскрибируют посредством графемы «š») ни в коей мере не соответствуют их действительной сущности – это названия условные. Эта теория никогда не была изложена Марром внятно, непонятно как он к ней пришел, но вначале, по его представлению, существовали нерасчлененные звуковые комплексы, из которых впоследствии, путем разного рода операций, падения или возвышения, образовались наличные звуки. Наряду с этим существует единый глоттогонический процесс, то есть все языки стремятся к одной цели. Вначале су-

ществовало очень много языков – в принципе, у каждого человека был свой язык. Потом люди постепенно объединялись, племена объединялись в народы и т.д., все происходило по стадиям, но почему-то некоторые языки задержались на предыдущих стадиях. Индоевропейские языки – самые современные, наиболее продвинутые. Единственное уместное название всему этому – алхимия. С точки зрения науки – это полный бред, но любопытно другое – то, что Марр искренне считал себя марксистом. Почему, собственно, он считал себя марксистом, - это его личное дело. Почему его признавали марксистом другие? В основе развития языка лежало, по его мнению, то, что он называл трудмагическим процессом. Сама трудовая деятельность представлялась ему магическим ритуалом, она была вызвана не какими-то насущными потребностями, а исключительно потребностями магии. Постепенно из первоначально нерасчлененного семантического «всего», дифференцируясь, выделялись разные значения, которые, по его мнению, все еще сохраняли следы преемственности, например, рука-женщина-вода (по Марру это было все одно). Впрочем рука-женщина-вода одновременно представляла из себя небо-ад и также выючных животных. Многие безуспешно пытались понять какие-то принципы этих переходов. И вот такая абсолютно мистическая (достаточно вспомнить ЧЕТЫРЕ первоэлемента) доктрина отождествляла себя с марксизмом, считала марксизм близкой себе. Это гораздо больше говорит о марксизме, чем о Марре и марризме.

В нашем мире, в мире христианской цивилизации, такие доктрины могут интерпретироваться только одним образом – как доктрины сатанинские. Мы уже выслушали доклад об образе антихриста, интерпретации большевизма как сатанизма. Это было естественно употреблено противниками большевиков для дискредитации, но одновременно с этим нам известно, что такого же рода взгляды господствовали и с другой стороны и использовались, в частности, для апологии. Всем известна пятиконечная звезда в качестве символа Красной армии. Это пентаграмма, которая прекрасно вписывалась в существовавшие тогда оккультные доктрины, которые ни для кого не были секретом. Более того, как известно, вначале, в 1918-ом году, пятиконечная звезда имела несколько иную форму, а именно – острием вниз. В частности, такого рода красная звезда запечатлена на фотографии Василия Ивановича Чапаева 1918 года. Долгие годы считалось, что изобретателем этого символа является Троцкий, но в последнее время более документально подтвержденным является авторство Константина Еремеева, командующего Петроградским военным гарнизоном, партийного публициста, за которым никаких метафизических порывов вроде бы не замечалось. Тем не менее, это показывает, до какой степени такого рода оккультное мировоззрение было постоянной сопровождающей любого политического и идейного движения в России во втором-третьем десятилетиях двадцатого века. И это понятно, поскольку марксизм родился, жил и пока не умер в сфере только одной цивилизации, европейско-христианской цивилизации. Ничего другого ему дано не было. В силу этого, неизбежен и взгляд марксизма на самое себя. Как только речь заходит о примате материи, это неизбежно влечет за собой весь комплекс идейных,

идеологических, культурных и языковых представлений, имеющих под собой только одно: материя это низ, материя противоположна верху, материя связана с самыми отвратительными проявлениями человеческой природы, с самыми отвратительными проявлениями структуры мира. Материя – это сатанизм, материя это деньги, материя это ненависть, материя – все, что противоположно высшему. И в этом отношении марксизм никогда не мог строить иллюзий, потому что и Маркс, и Энгельс, и все их последователи прекрасно понимали, что стоит за словами. Они не изобрели нового языка, они пользовались имеющимся языком, и в рамках этого языка они не могли интерпретировать самих себя иначе, как носителей сатанизма. В этом отношении были правы их критики, но эта критика с самого начала имманентно присутствовала в самой доктрине марксизма. Выбор был сознательным. Поэтому как только строится философская доктрина демонстративного материализма, неизбежно приходится объявлять материю не просто основой и фундаментом философских или иных построений, но и придавать материи все черты сакрального объекта. И основной вопрос философии, который определяет примат материи над всем прочим, также определяет и то, что сакральный дух исходит, может исходить только из материи. В силу этого сам дух не является сакральным, потому что является производным. В любом случае мы сталкиваемся с примером, который можно было бы охарактеризовать как негативную, перевернутую гностику. Если с точки зрения нормальной, обычной, общепринятой гностики материя проклята, поскольку является темницей духа, заключает в прямом юридическом смысле частицы божественного света, божественной души и т.д., то в данном случае материя порождает из себя божественный свет. Тем не менее, настаивая на научном характере своей доктрины, марксисты не могли строить просто элементарную гностику, пусть даже и перевернутую. Более того, опять же исходя из того, что за материей закреплено негативное, сатанинское и тому подобное начало, они были вынуждены материю унижить. Ищется то, что материю унижает и что требует спасения. Материю унижает собственность. Собственность на материю превращает известную материю в ненавидимый, презираемый, несакральный объект. Поэтому ставится задача одухотворения материи, превращения ее в достояние некоей общей целостности. Марксизм, как мне представляется, ввел в обиход такое понятие, как объективный разум и вот этот объективный, коллективный разум является в свою очередь синонимом абсолютно мирового духа и т.д. Эти бесконечные игры с подменой общеизвестных понятий их материалистическими синонимами приводят к тому, что выстраивается совершенно иная концепция человека, иная концепция мира, истории и т.п. Например, с этой точки зрения выстраивается, скажем, сакральная, священная история человечества, где мы находим и свой первородный грех – разделение труда, приводящее к возникновению частной собственности. И тогда какая задача может стоять перед революционным пролетариатом, свободным от материи? Сделать мир чистым явлением духа, связанным с материей своим соприкосновением с орудиями и средствами производства, но свободным от обладания ими. В этом случае пролетариат дол-

жен принести в мир освобождение от собственности и тем самым спасти дух из темницы частной собственности. В этом случае марксизм все равно не мог изобрести новую гностику и, проходя по всем спиральям, он все равно неизбежно должен был вернуться к тому, с чего начал. Современная христианская цивилизация, европейская цивилизация имеет слишком мало степеней свободы. И в этом пространстве возможно движение только в одну или в другую сторону. Гностика в современном мире продолжает существовать в латентном виде. В частности, именно гностике мы обязаны появлению таких жанров новой европейской литературы, как, скажем, научная фантастика и детектив. Это не более чем еще одна трансформация гностики, и у основоположников жанра эти связи еще абсолютно очевидны. В дальнейшем они стираются за счет меньшей талантливости эпигонов.

Я даже не буду касаться здесь дуализма, пронизывающего всю доктрину марксизма, и ничего не скажу о пресловутой диалектической логике (чья магические основания для меня очевидны). Я хочу обратить внимание на историю торжества марксизма. Вскоре после своего возникновения и долгие десятилетия спустя марксизм оставался весьма малопопулярным учением, а в самом Марксе видели в лучшем случае экономиста, но никак не философа. В любом случае, в мире идей марксистское учение не занимало не только центрального, но сколько-нибудь заметного места. Каким же образом марксизм не просто вошел «в обойму», но стал почти что идейной осью XX века? И тут бросается в глаза одна очень странная параллель, отмеченная израильским культурологом Майей Каганской. В цикле лекций о философии современных религий, прочитанном в 1997-99 гг. в иерусалимском институте «Маханаим», Майя Каганская сопоставила два события: в один год с «Капиталом» Маркса вышла в свет еще одна очень интересная книга, написанная другим автором и по другому поводу, – «Тайная доктрина» Елены Блаватской. Точно так же, как и марксизм, теософия очень длительное время пребывала в загоне, не имея ни сторонников, ни известности. Только 90-е годы XIX века и в 900-е годы двадцатого придали теософии ее дальнейший мировой статус. Но на те же самые годы приходится и распространение марксизма. И снова, прибегая к тому же методу – изучению бытования явления с целью выявления его сути, – можно выдвинуть предположение, что безумное, взрывоподобное распространение марксизма было вызвано не столько его внутренними достоинствами или недостатками, а той специфической атмосферой, в которой общество вдруг качнулось к поиску чудодейственных способов разрешения своих проблем. Почему это произошло, я не знаю и не уверен, что кто-то другой может дать ответ, но произошел переворот в обществе и к этому перевороту чудесным образом подошла уже полузабытая, почти отброшенная к тому времени доктрина двух германских философов, которые верили в свое высокое предназначение, несмотря на то, что кроме них эту веру мало кто разделял. И я хочу сказать, что Маркс, конечно, был гениальным человеком, потому что он сумел, в отличие от Елены Блаватской, создать доктрину, которая слишком многим давала удовлетворительный ответ на слишком многие вопросы.

Как вы могли заметить, я до сих пор избегал цитировать труды создателей марксизма. Но упустить такую цитату – просто грешно...

«Вот вечный круговорот, в котором движется материя, – круговорот, который завершает свою траекторию лишь в такие промежутки времени, для которых наш земной год уже не может служить достаточной единицей измерения; круговорот, в котором время наивысшего развития, время органической жизни и, еще более, время жизни существ, сознающих себя и природу, отмерено столь же скудно, как и то пространство, в пределах которого существует жизнь и самосознание. <...> Но как бы часто и как бы безжалостно не совершался во времени и в пространстве этот круговорот; <...> сколько бы бесчисленных органических существ не должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде, чем из их среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, <...> чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, – у нас есть уверенность, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет – мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время».

Вот так выражался Фридрих Энгельс, открывая «Диалектику природы». Можно долго вычитывать из этого пассажа какой угодно небывалый «философский материализм», счастливо не замечая того, что здесь действительно есть – миф вечного возвращения и самую ординарную эсхатологию. А чтобы сходство это не так бросалось в глаза, можно и дальше унижать Дух ограничительным эпитетом «мыслящий» и осквернять его первородным грехом материального воплощения, чтобы вместе с прочим тварным миром навеки упрятать его в безысходную темницу смерти и перерождений.